

Проза Лу обходится без романтического флера и завитушек, и каждая глава отдает аскетизмом из ночного кошмара. Мысли героини ходят по кругу — до чего у нее обвисла грудь, что она готовит на ужин, как ее муж курит перед телевизором и обзывает ее глупой; ее жизнь состоит из руминаций и ритуалов... Монотонность, инерция и одиночество, сковавшие ее по рукам и ногам, мучают всех, но переживания плакальщицы острее, потому что окружающие ее избегают, и такое положение парадоксальным образом дарит ей вспышки глубочайшего постижения неподъемной рутины... (Постепенно) она открывается новым идеям, свежим и редким, как бамбуковые побеги в ее любимой роще.

Наблюдения плакальщицы бесстрастны, наивны, в своей невозмутимости бездонны. Кто-то расслышит в них сардонический юмор или самоуничужение; кто-то сочтет, что культурные различия подчеркнуты здесь слишком нарочито. Однако те, кто знаком с догматизмом сельского Китая, разглядят в ничтожестве этих мыслей и амбиций, этой жизни и представлений о себе не юмор, но трагедию...

Этот мощнейший роман нарастает до самой кульминации, достойной старинных драм... и приводит нас к мысли, в простоте своей ошеломительной: быть может, если все мы движемся к одному финалу, важно лишь одно — прожить жизнь так, чтобы люди грустили, когда мы умрем.

The New York Times

Тонко и изысканно... Мир Вэньянь Лу крайне убедителен, а жизнь ее героини зачастую выплескивается на страницу с болью. И от этого мы лишь сильнее сопереживаем плакальщице — у Лу получился очень душещипательный роман.

The Big Issue

«Плакальщица» — сардонический анализ горя, история профессиональной плакальщицы из китайской деревни. Эта трагикомедия — свежий взгляд на скорбь и пронзительная история изгоя.

i-D Magazine

Поразительная и по сей день актуальная картина жизни деревенских женщин.

Dorset Magazine

«Плакальщица» с головой погружает читателя в историю немолодой безымянной женщины и ее поисков себя. Вэньянь Лу, уроженка Китая, мастерски вплетает в свой роман старинные мотивы дочерней преданности и оттеняет столкновение традиций с современностью в декорациях захолустной деревни.

The Strait Times

Очень познавательная и пронзительная история, проливающая свет на жизнь нынешнего сельского Китая, на мешанину современных и древних традиций и на узы любви, долга и верности, на которых держится повседневность.

NZ Booklovers

Восхитительный, цельный и глубокий роман о том Китае, какого многим из нас не доведется увидеть собственными глазами. Замечательная книга.

Чикодили Эмелумаду, автор «Озомены»

Проза Вэньянь Лу сдержанна и элегантна, но гнев героини бурлит на каждой странице, точно спящий вулкан. Всею душой рекомендую этот потрясающий дебют.

Стейси Томас, автор «Темных празднеств»

Дивно. Искусно написанное и не лишённое юмора исследование замкнутого общества и женских желаний, с обаятельной героиней, за которую болеешь всею душой.

Иреносен Окоджие, автор «Рыбы-бабочки»

Завораживающий взгляд на деревенские будни в нынешнем Китае. Вэньянь Лу выбрала идеальную героиню: плакальщицу презирают и избегают те самые люди, которым требуются ее услуги, и ее маргинальное, двусмысленное положение в обществе позволяет ей смотреть на окружающий мир под уникальным углом. Она старается быть хорошей матерью, хорошей

дочерью и хорошей женой в плохом браке, а между тем задается вопросами, в которых эхом звучат проблемы традиционной культуры в современной стране.

Сара Бёртон, автор «Странных приключений Х.»

Замечательное погружение в китайскую культуру. Голос главной героини бесподобен — по временам ироничен, порой душераздирающ. Ее общение с другими деревенскими наглядно демонстрирует нам, какова жизнь вдали от больших городов.

*М. Дж. Холлоуз, автор «Немецкой медсестры»
и «Немецкого курьера»*

Прекрасная, ужасно трогательная история. Замечательно написанный, незабываемый роман.

Кадиджа Джордж, шеф-редактор SABLE LitMag

«Плакальщица» — удивительное чтение. Казалось бы, сказчица ничего от нас не утаивает, делится всеми подробностями своих будней... и все равно отчасти остается загадкой. Плакальщица как метафора — гениальная находка. Героиня помогает людям выказывать горе, когда они этого не умеют или просто-напросто не горюют, — зачастую они и сами не знают, что у них на душе... И готовьтесь к неожиданному финалу — я который день гадаю, как его понять, а для любого романа это серьезный комплимент.

Kate Vane's Blog

Органично перемешивая юмор и глубокие озарения, «Плакальщица» открывает нам мир сельского Китая. Вэньянь Лу прекрасно знает Китай, и это видно в каждой фразе — мы не только наблюдаем преобразование героини, но и постигаем пеструю, прихотливую деревенскую жизнь, тяжкую и требующую стойкости. Эта захолустная обстановка то и дело напоминает нам о том, как сильно влияет на человека родной край и его культура.

В целом «Плакальщица» — история сумрачная, щемящая и не без тонкого юмора. В ней звучит неподвластный времени зов — никогда не поздно открыться переменам и отправиться

на поиски более счастливой жизни — и ярко подсвечен социальный гнет, который в подобных сообществах давит на женщин. А сама фигура главной героини замечательно отражает всю неоднозначность горевания, поскольку задача плакальщицы — помочь другим выказать горе искренне.

Этот роман — свежий и умный взгляд на идентичность, горе и преобразование, и перед ним не устоят ценители вдумчивого чтения, особенно поклонники книг Июнь Ли и Джулии Оцуки.

Aniko Press

Глава первая

Прапрабабушка умерла.

Атмосфера в деревне стояла гнетущая и не без странного облегчения. Казалось, все втайне только этого и ждали.

Своей прапрабабушкой ее считали все жители нашей деревни. Я даже не представляла, сколько ей лет, — мы просто знали, что она жива. На миг я ощутила тайное воодушевление и постыдный трепет в груди, поскольку на ее эпической смерти я немножко зарабатываю.

В тесной кухне ко мне подошла молодая женщина в белом льняном платье и белом капюшоне. Если б она вышла в таком виде на улицу, дети испугались бы до слез.

Пока она читала мне прапрабабушкин некролог, я пудрила щеки. Несколько деревенских поваров с помощниками под громкие крики и стук ножей готовили еду для поминок. Я едва могла повернуться. Со всех сторон меня окружали штабеля больших картонных коробок с надписью «ОСТОРОЖНО: ХРУПКИЙ ФАРФОР» жирными черными буквами.

Молодая женщина не выглядела радостной, но и очень грустной не казалась. Впрочем, я могу ошибаться. Порой видишь не то, что есть.

— Вы правда запомните ее некролог? — спросила она меня.

— Да.

— Просто я волнуюсь. Если вы ошибетесь, дядя рассердится на меня.

— Вам нет нужды волноваться. Все заплачут, я вам обещаю. Даже не сомневайтесь.

— Все-таки я прочитаю еще раз. Для надежности, — сказала она.

Я кивнула, и женщина начала:

— Дорогая прапрабабушка прожила необыкновенную жизнь длиной в сто шесть лет. Она самоотверженно посвятила себя сохранению преемственности своей семьи и ее процветанию. За свою исключительно долгую, стойкую жизнь она преодолела множество трудностей и совершила немало замечательных поступков. Небеса подарили ей двадцать пять внуков, шестьдесят двух правнуков и шестнадцать праправнуков. Более тридцати ее потомков живут теперь за границей. Вся семья и вся деревня будут вспоминать ее с любовью. Она прожила дольше всех в нашем округе, и мы безмерно ею гордимся. Глубокой печалью для прапрабабушки было то, что семеро ее внуков умерли раньше ее. Давайте поплачем о ней и сохраним надежду в наших сердцах ради нас самих.

Я мельком взглянула на себя в зеркало: бледное лицо, длинные нарисованные брови, ярко-алые губы. Идеальный традиционный образ похоронной плакаль-

щицы. На белом платье несколько черных и красных пятен от макияжа, но никто не заметит — все будут скорбеть. Женщина помогла мне завязать на боку большой черный хлопчатобумажный бант. Пучок на затылке выглядел безупречно. Свободные пряди я опустила на виски и заправила за уши, чтобы скрыть морщины. А потом приколола к волосам цветок из белой ткани.

Женщина протянула мне чайную чашечку.

— У вас красивые волосы, — заметила она.

— У нас в деревне хороший парикмахер.

Я потрогала свой пучок.

— И пояс красивый. Вы только посмотрите на мой.

Талию женщины опоясывала простая бельевая веревка — символ тяжелой утраты.

— Не важно, как это смотрится. Просто надо его носить.

— Вы правы. Кстати, вам стоит что-нибудь съесть. Хотите рисового печенья?

— Спасибо. Возьму немного для мужа. Он такие любит.

— Попрошу упаковать для вас в коробку. Может, повторим еще раз? Много цифр, легко запутаться.

— Двадцать пять внуков, но семеро умерли, шестьдесят два правнука и шестнадцать праправнуков.

— И не забудьте: она прожила сто шесть лет.

Двор был просторным, но запущенным — из стыков между выщербленными каменными плитами прорастали сорняки. Гости в основном расположились на маленьких табуретках и скамеечках. Кто болтал, кто

пялился в телефон, кто щелкал семечки. Пока что не ощущалось ни малейшей печали или хотя бы огорчения. Большинство присутствующих сидели с безучастными лицами. Когда родственник или друг живет так долго, после их смерти на похоронах часто наступает отрешенность.

Заиграла со́на — это такая труба, в деревнях Северо-Восточного Китая на ней играют всегда, когда кого-нибудь хоронят. Сона пронзительная, скрипучая и очень громкая, как волчий вой в ненастье. Спустя минуту она умолкла. Заиграла кассета с медленной печальной музыкой. Публика притихла — во двор через задние ворота стали заносить гроб. Из красного дерева, с резными узорами на крышке и обернутый белыми шелковыми лентами.

Я посмотрела, как носильщики медленно опускают гроб на помост, в самую середину инсталляции из цветочных венков и корзин. Там царило совершеннейшее буйство красок.

Как только стихла музыка и удалились носильщики, я взбежала на помост, высоко воздевая руки в широких расклешенных рукавах, и опустилась на колени перед гробом. Это моя любимая часть похоронного плача. Я словно прекрасная актриса на сцене перед зрителями.

Скорбящие стояли молча.

Я повалилась на помост и зарыдала:

— О прапрабабушка, неужели ты покинула нас? Как же так? Тебя больше нет, и небо померкло, а земля потемнела. Как ты могла оставить нас? В молодом

сти, в прежнем обществе, у тебя была беспокойная жизнь, но ты никогда не жаловалась. В нашем новом социалистическом обществе ты оправилась от невзгод благодаря партии, ты родила семерых детей, последовав призыву председателя Мао произвести на свет как можно больше граждан для нашей родины. И хотя председатель Мао не присвоил тебе официального звания матери-героини, ты внесла замечательный вклад в увеличение населения нового Китая. После тебя остались две дочери, восемнадцать внуков, шестьдесят два правнука и шестнадцать праправнуков. Это ли не подвиг! Кто мог бы желать лучшей судьбы?

Я выдержала паузу. Никто не плакал.

Я глубоко вздохнула, подалась вперед и ладонями хлопнула по полу.

Затем повторила:

— О прапрабабушка, неужели ты покинула нас? Как же так? Тебя больше нет, и небо померкло, а земля потемнела. Как ты могла оставить нас? Как? — Я потеряла глаза. — Прапрабабушка, ты смотришь на нас с небес? Видишь, как сильно мы по тебе скучаем? Как мы скорбим? С какой нежностью будем тебя вспоминать? Мы будем помнить все, что ты сделала для своей семьи и для своей страны. Мы рады, что теперь ты воссоединилась с прапрадедушкой на небесах. Нам была бы невыносима мысль о том, что ты там одна.

Кое-кто принялся тереть глаза. Я замедлила темп.

— Прапрабабушка, мы надеемся, что ты видишь наши слезы.

Тут уже плакали почти все, и я вздохнула с облегчением; я была довольна. Я честно заработала деньги, которые мне заплатят.

— Но жизнь должна продолжаться. Теперь прапрабабушка хотела бы увидеть наши улыбки. Счастье мимолетно, и она знает это, как никто другой. Это правда, что мы скорбим о ней, но в то же время мы празднуем ее редкое долголетие. Она подарила процветание и гордость своим родственникам и нашей деревне. В знак глубочайшего почтения ее семья организовала поминальный обед. Теперь мы все можем поделиться историями о нашей любимой прапрабабушке. Кстати, прежде чем приступить к еде, не забудьте взять свою фарфоровую чашку долголетия.

Пока все шмыгали носом, я объявила, что спою веселые песни, чтобы разрядить обстановку. Неловко петь веселые песни на похоронах, но таков обычай. Прощание осталось в прошлом. Жизнь должна продолжиться с радостью и надеждой.

После громких аплодисментов я быстро и бесшумно отошла в глубину двора, откуда было видно, как обслуживающий персонал расставляет тарелки с поминальной едой на больших столах.

Аромат горячей еды наполнил воздух. На лицах людей не осталось и следов грусти. Все уже разглядывали тарелки и ковыряли еду палочками. У меня заурчало в животе.

Я огляделась в поисках знакомых лиц и увидела деревенского парикмахера. Когда пойду к нему в сле-

дующий раз, скажу, что людям понравилась прическа, которую он мне сделал.

В Китае застолье на похоронах называют банкетом с тофу. Раньше поминальный обед был целиком вегетарианским, с тофу в качестве основного блюда. Твердый или мягкий, жареный, вареный или приготовленный на парú — тофу из питательных соевых бобов был знаком уважения как к мертвым, так и к живым. В последние годы в поминальную трапезу стали добавлять все больше мяса и рыбы, но без тофу банкет неполон. В конце концов, тофу белое — цвета смерти.

Я не останусь на банкет с тофу, зато мне дадут еды с собой. Останься я, никто не стал бы возражать, и я бы осталась, если бы хорошо знала покойную. Но прапрабабушка была намного старше, и мне не довелось узнать ее поближе. Она мне нравилась, но меня она, скорее всего, даже не замечала.

Пока люди стояли в очереди за фарфоровыми чашками, молодая женщина вручила мне белый конверт. На ощупь пачка наличных в конверте толстая. Доста-точно толстая.

Муж будет доволен.

Глава вторая

Я жила буквально в двух шагах от места прощания с прапрабабушкой, и все-таки дядя молодой женщины устроил так, чтобы меня отвезли на машине. Уважение ко мне отражало родственную почтительность семейства к прапрабабушке.

Когда машина уже трогалась, молодая женщина бросилась к нам и постучала в окошко:

— Вы забыли свою еду.

И помахала мне бумажным свертком.

Дома я сразу пошла в спальню переодеться. Муж сидел посреди кровати прямо в верхней одежде и играл на телефоне.

— Сколько раз тебе повторять? Не приходи домой в этом ужасном белом траурном платье. Ты отнимаешь годы моей жизни. Глупая женщина!

Муж злился.

Я должна была предвидеть, что сейчас он дома. Я сняла платье и направилась в ванную.

Стоя под душем, я снова и снова намыливалась, чтобы смыть все плохое, связанное с похоронами. Но

мыться слишком долго нельзя — муж скажет, что я зря трачу воду.

Когда муж впервые назвал меня «глупой женщиной», я расстроилась. Я знала, что я не глупая, но с тех пор муж обзывает меня так постоянно. Теперь мне это как с гуся вода.

Я распаковала фарфоровую чашку долголетия и поставила в посудный шкаф. Теперь там стояло двенадцать чашек — все одинаковые, с китайским иероглифом «долголетие», оттиснутым на боку.

Чашки долголетия раздавались скорбящим, только когда умирал очень пожилой человек, и это считалось благословением, пожеланием прожить такую же долгую жизнь.

Я никогда не пью из этих чашек — боюсь разбить, а это считается дурной приметой. Но иногда я открываю шкафчик и люблюсь моими драгоценными чашками долголетия.

Я разогрела еду, которой меня угостили на банкете с тофу, и разложила ее по двум тарелкам.

Затем позвала мужа:

— Иди ужинать.

Он вышел из спальни и сел за стол:

— Ужинать? Я еще даже не обедал. А сейчас уже половина пятого.

— Похороны затянулись, — объяснила я. — Давай назовем это ранним ужином?

— Ты хочешь заморить меня голодом?

— Ты мог сходить на похороны. Там собралась почти вся деревня.

— Не люблю слушать, как ты поёшь и плачешь. И ты же все равно таскаешь еду домой.

— Потом можем перекусить еще раз. Я тебе принесла рисовое печенье.

— Белое рисовое печенье? Поминальная закуска. Спасибо, не надо.

— В магазине оно стоит дорого.

Я знала, что муж съест что угодно, если это досталось бесплатно.

— Сколько тебе заплатили? — спросил муж, ковыряя палочками кусочки говядины с «пятью специями»¹.

— Я не считала, но... сказали, что заплатят тысячу триста девяносто девять юаней.

— Ты выбросила белый конверт? — нахмурился муж.

— Выброшу после ужина.

— Отдашь мне деньги прямо сейчас?

— Отдам. — Я начала есть. — После ужина.

Муж был голоден. Я тоже.

Доели мы в молчании.

Забирая его грязную тарелку, чтобы поставить поверх своей, я заметила пару зернышек риса, прилипших к отвороту его куртки. Раньше я бы их сняла — теперь нет.

Пока я мыла посуду, муж считал деньги.

— Тысяча шестьсот девяносто девять юаней, — сказал он.

¹ «Пять специй» — готовая китайская приправа, в которую входят сычуаньский перец, звездчатый анис, корица, гвоздика и фенхель. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Я была довольна и гордилась собой. Мне доплачивали сверху, когда клиенты были удовлетворены моей работой, и такое случалось очень часто. Способность плакать и неплохо петь обеспечила мне хорошую репутацию. Люди считали, что я выступаю искренне, от души. Мне было все равно, сколько докладывали сверху, — любые чаевые доказывали, что люди мне доверяют.

Конкретно эта работа подвернулась неожиданно. Просто однажды прапрабабушка ощутила усталость и осталась в постели. В тот день друзья, партнеры по картам, зашли ее навестить, поскольку она не явилась на игру. Когда пришли, она отказалась ехать в больницу. Перестала есть. И через несколько дней умерла.

Многие умирают быстро, а некоторые вообще внезапно. Родственники умерших обычно в шоке, убиты горем и нуждаются в большой заботе и внимании. Но я готова к любым сценариям. Родственники покойного, умиравшего долго, заслуживают не меньше внимания и заботы.

Я знаю множество историй и секретов, которых никогда бы не услышала, если бы не работала похоронной плакальщицей. Часто скорбящим нужно поделиться сокровенным, но желательно с тем, кто знает их не слишком хорошо и никому ни о чем не расскажет. Вот, к примеру, со мной. Этим людям я, как правило, чужая. Большинство их историй трагичны или просто неприятны, но я всегда внимательно слушаю и почти никогда не комментирую. Я всего лишь пара ушей, не более того.